

Чтобы помнили...

Анатолий ДРУЗЕНКО,
«Известия»

С Казаковым на «Веге»

«— А ты знаешь, — говорил Руслан, меланхолично глядя на кружку с пивом, — смертельный был тогда момент на Рыбинке, когда мы фок рублили».

Так начинается, наверное, не самый лучший, но мною и друзьями по команде **особо** читаемый рассказ Юрия Казакова «Ночь на «Веге». Он написал его в конце 68-го, сразу после нашего похода...

А нынче у него сплошные круглые даты.

70 лет со дня рождения.

15 — после смерти.

На похороны никто из веговцев, кажется, не был. По разным причинам (я в тот год досиживал корреспондентский срок в Варшаве).

Позднее, в редкие встречи команды, с непременно скромным по закуске и обильным в выпивке, застольем, с вечным, до крика, спором — кто тогда перепутал буи и кто не удержал стаксель? — на бестолковых этих посиделках заходил, бывало, разговор, что хорошо бы выбраться к Казаку (так мы звали его на «Веге»), но тем все и кончалось: свинтусы порядочные, мы разбегались по сторонам. Каждый — в сторону своей жизни. И так — до следующего раза.

Однажды, в начале прошлой зимы, наконец сподобились. Шумно, с не очень умственным весельем, вывалились из подъезда, нырнули, на пару остановок в метро, переположили трамвай и оказались на Ваганьковском.

Кто-то пошел в контору — узнать про могилу. Уже в сумерках двинулись по аллеям. Нашли сороковой участок, но сколько ни бродили меж крестов и памятников, сколько ни приглядывались, сгребая снег с надгробий, найти не смогли.

И вот вторая попытка: снова едем на кладбище — вместе с Русланом, с тем самым, по рассказу, любителем пива.

...Есть фотография: команда «Веги» на привале. Редкий солнечный денек. На погоду, хоть и была самая середка лета, нам не повезло. Она в ту пору, как написал Юра, «переломилась по всей России, пошла холода, дожди нас залили окончательно, и июль стал октябрем». А тут вдруг выпала дефицитная минутка тепла и света, и команда, причалив к берегу баркас, устроила пир. Казаков на фотографии ввали. Сидит, чуть отвернувшись, наедине с собой и кашей. Он вообще очень серьезный относился к еде (говорят, такое бывает с теми, кто недоел в детстве), только трапезы в походе — каша с тушенкой да чай со сгущенкой — были скромны-скромненькими.

Уговорили Казакова пойти с нами Леша (командор) и Руслан. Зачем? Чтоб был «особо важной персоной» или, как сейчас говорят, VIPом? Или чтоб потом «отразил»? Не знаю. Так или иначе, но Алексей с Русланом настигли знаменитого — тогда — писателя в Абрамцеве. Писатель поначалу отнекивался, но в конце концов, как мне кажется, его сама идея «уговорила» — на простом баркасе, с самодельным парусным вооружением и хиловатым мотором, с командой не про-

фессионалов, а сугубых любителей, выйти из Москвы и добраться — своим ходом, по воде — аж до Архангельска...

А может, страннику пришла пора очередного отхода?

Короче, теплым июньским вечером Юрий Павлович прибыл в Химки, на борт нашей диковинной посудины, и стал никаким не VIPом, а рядовым членом экипажа, делавшим все, как все. Если требовалось, садился за весла, мок на вахте, прыгал в воду, когда надо было подтолкнуть застранившуюся «Вегу», отправлялся на стоянках, если посылали, за съестным, разжигал, с удовольствием, костер, принимал — положенное — на привалах (хотя в этом у каждого была своя мера и охота).

Привалы Казаков обожал:

«Вечером — так отдаленно от иных миров, на берегу какого-то безымянного залива, возле разбросанных по темному косогору темных, спящих изб, под выступившими звездами, — вечером жарко трещал наш костер, и он был, как солнце, для нас, а мы — восемь человек, как планеты, вокруг него».

Подогретые изнутри планеты были говорливы. К нашим байкам Казаков прислушивался одновременно и с интересом, и со скепсисом. Иногда, в особом настроении, солировал сам.

Его рассказы у костра и отдаленно не напоминали то, что он писал. Слегка заикаясь, он говорил короткими фразами. Сюжет в каждой истории выстраивался мастерски. Масса иронии и самоиронии. В финале ставилась не точка — восклицательный знак. Иногда — воспросительный.

Помню его рассказ о том, как после известного разноса, учиненного Хрущевым представителям советской интеллигенции, два молодых, но уже известных деятеля литературы — поэт и прозаик — сбежали из Москвы, никого не предупредив, на Кубенское озеро. Знакомый егерь забросил их на островок, оставил минимум припасов (и ноль выпивки) и сказал, что заберет обратно недели через две. То ли рыбалка не пошла, то ли погода подкачала, только скоро им островное бытие надоело. А выбраться — никакой возможности. Вдруг — что такое? Вертолет летит. И к ним садится. Выбегает парень с магнитофоном. Корреспондент АПН. Оказываются, западные горе-пропагандисты раструбили по всему миру, что из Москвы исчезли два молодых талантливых литератора, и не исключено, что их... и так далее. Прилетели за срочным интервью: мол, клевета, отдыхают, ловят рыбу. Прозаик интересуется: а куда вертолет дальше полетит? Отвечают, в Архангельск. Сговорились так: интервью дают и садятся в вертолет. В городе, не переодевшись, сразу в ресторан. Швейцар не пускает. А за дверью, в ритме медленного фокстрота, оркестр называет «Хотят ли русские войны?», и видны через туманное стекло качающиеся тени. «Отец! — возмущается поэт. — Вот ты нас не пропускаешь, а слова этой песни я написал!». Отец не верит. Но тут шли в ресторан студенты — узнали, уговорили.

— Женьку, конечно, узнали, — закончил байку Казаков.

(Швейцара он потом вспомнил в рассказе «Отход» — «в нашем ресторане, в нашем Архангельске, с

бесценным дядей Васей внизу, у входа». И о песне тоже написал, но совсем по-другому: «И звучат в нас и вне нас гул, бормотанья, дружба, любовь, и музыка ликует, уравновешивает своей стройностью хаос — «Хотят ли русские войны?» — «Нет, нет, русские хотят танцевать перед тем, как уйти в море!» — и все танцуют, одни мы сидим...»).

В походе я не раз обращал внимание на то, как необычно, откровенно **смотрит** Казаков на окружающий мир, если мир этот — река, берега, лес, церкви, избы... Кстати, он сам заметил, что писатель «сидит, смотрит куда-нибудь за окно или на стену, ничего не видит, а видит только бесконечный ряд дней и страниц». И на «Веге» он мог подолгу, где-нибудь в укромном месте, среди рюкзаков и спальных мешков, сидеть и, повернув голову, молча, прищурившись, смотреть, смотреть...

Из писем Казакова с борта «Веги» — домой:

«Хорошо думается. Я тут порядочно записываю, веду вахтенный журнал... Как-то вы там все? Алешка еще не говорит никакого отчетливого слова? Не ходит хотя бы на помочах?».

(Сыну не было еще и года. Ему, Алеше, он посвятит... нет, точнее, о нем, о детской душе, о жизни и смерти напишет в одном из последних, пронзительно до слез, рассказе «Во сне ты горько плакал»).

...Как-то на одной из стоянок командор послал нас с Юрой за нехитрым провиантом: хлеб, сахар, чай, соль, яйца... С брезентовым мешком мы отправились в магазин. Нашли его сразу, прямо на набережной. Отоварились. Возле магазинчика стояла будка, похожая на веранду. Там продавали газеты. Я купил «Известия». Мы присели на скамейку. Я по привычке начал смотреть последнюю страницу (спортивные новости). Молчавший Казаков скосил глаз в сторону газеты, потом вдруг пригнулся и потянул к себе, да так сильно, что я тут же отпустил газету. Он взглянул в самый угол полосы, что-то прочитал и, поблещев, резко поднялся и пошел вдоль набережной с нелепо повисшей в руке газетой.

Ждали мы его в тот день долго. Пришел он за полночь и, ни слова не говоря, полез в спальный мешок.

Уже позже я узнал, что в том номере «Известий» в траурной рамке было сообщение о кончине Паустовского.

Все стало понятным: ушел учитель, а ученик узнал об этом в дороге. Еще в 58-м году учитель написал ученику: «Я не могу без слез читать Ваши рассказы. И не по стариковской слезливости (ее у меня нет совершенно), а потому, что счастливы за наш народ, за нашу литературу, за то, что есть люди, способные сохранить и умножить все то великое, что досталось нам от предков наших — от Пушкина до Бунина. Велик бог земли Русской!».

После похода мы больше не делились (так получилось), хотя одно время жили рядом, в Бескудникове. У меня навсегда осталось к нему особое чувство, какое испытываешь к тому, с кем побывал на самом краешке, за которым — конец всему.

А как было дело, это он в рассказе описал — «Ночь на «Веге».

Там все точно: и насчет перепутанных буев, и о срубленном фоксе, и про упущенный стаксель. В общем, «смертельный был тогда момент на Рыбинке...».

Разговор на Ваганьковском

И во второй раз все повторилось. Снова бродили мы с Русланом по сороковому участку и в конце концов поняли, что так — наобум — могилу не отыскать.

В Союзе писателей дали последний адрес Казаковых. Отбил телеграмму с просьбой позвонить в редакцию. Вечером приносят послание телеграфиста: ваша телеграмма не доставлена, дом не имеет такой квартиры. Мистика какая-то!

В конце концов нашелся главный телефон — вдовы писателя Тамары Михайловны (оказывается, у них просто изменился номер дома).

Встречаемся с Тамарой Михайловной на кладбище, на ступеньках храма Воскресения. Пришел и близкий друг Юры — Анатолий Фирсов, фотохудожник.

...Сказать, что могила скромна — мало, наверное. А может, и в самый раз. Но то, что она казакская — несомненно. Холмик, обложенный дерном. Никакого гранита, мрамора, даже цемента. Деревянный, дубовый крест. Такие ставились на деревенских погостах, особенно северных. Поморский крест — домиком. По металлу, похоже на латунь, мелкая, изящная резьба. Крест установили стараниями Федора Дмитриевича Поленова (говорят, такой же стоит и на могиле великого художника — Василия Дмитриевича).

На перекрестье — иконка. «Две уже отвинчивались, — замечает Фирсов, — а эта держится».

Укладываем цветы. Зажигаем свечку. Молчим...

Не помню, кто начал разговор. Кажется, я сказал, что тому, кто захочет вот так же, как мы, прийти к Казакову, не удастся этого сделать: в конторе не знают никакого указателя.

— И слава Богу! — встрепенулась Тамара Михайловна. — А то будут толпы ходить. Как к Высоцкому или Миронову.

— Не будет, Тамара Михайловна, — возразил Фирсов. — У Юры не тот почитатель. Не такой массовый. Он действительно придет один и помолчит.

— Не надо... Это же место упокоения.

Уходя, мы прошли мимо могилы Окуджавы. Она — в «VIPовском» ряду. Слева — композитор и певец Мигуля, справа — многолетний директор Дворца спорта в Лужниках Синилкина...

(Как раз в эти дни в интервью «МК» вдова Булата Шальвовича Ольга Владимировна с огорчением говорила: «Вначале, когда меня привели (на Ваганьковское. — А.Д.) и показали это место, оно показалось мне очень уединенным, тихим. На могилу Булата (конечно, не к нему одному) от трех вокзалов возят экскурсия. Какое тут уединение? Какая тишина? И пошел Окуджава после смерти в «номенклатуру»: аллея, где расположена его могила, — не для простых людей. И мне туда даже приходиться трудно: все на виду. Ни подойти, ни постоять...»)

«Чтобы помнили...» — это совсем не про экскурсию в автобусах от трех вокзалов.

Сколько ни ломал голову, а лучше заголовка, чем название саднящей душе телепередачи Леонида Филатова, нет. Сходство темы, по-моему, полное. Одна только разница: Филатов рассказывает об актерах, а мой герой — писателю, которому Бог дал огромный талант и не очень долгую жизнь очарованного странника.

Мэр теряет чувство меры?

Тридцать пять лет — из отпущенных пятидесяти пяти — Казаков прожил на Арбате. Он как-то писал: «Вы, наверное, не раз видели мой дом на Арбате, где «Зоомагазин»... Я понял, что Арбат — это как бы особый город, даже население иное...». И сказал однажды в интервью: «Господи, как я люблю Арбат!».

И можно понять комиссию по наследию писателя (Георгий Семенин, Евгений Евтушенко, Виктор Лихоносов, Глеб Горышин), которая еще в 1985 году предложила установить мемориальную доску на этом доме, по адресу — Арбат, 30. Идею поддержал секретариат Союза писателей, однако в наступившие перестроечно-реформенные времена было не до того, «чтобы помнили».

В начале нынешнего года, в преддверии 70-летия со дня рождения писателя, Ф.Д.Поленов обращается к префекту Центрального округа А.И.Музыканскому, возобновляя от имени литературной и художественной общественности ходатайство о мемориальной доске. Резолюция префекта благоприятная, хотя формулировка, конечно, та еще: «Прошу рассмотреть и дать предложения в соответствии с предложениями общественности».

Затем приходит ответ от начальника управления, контролирующего охрану и использование памятников в Москве, В.А.Буличкова. Тоже вроде приветствует инициативу, но отсылает письмо в комитет по культуре правительства Москвы: там решают насчет мемориальных досок.

Вот что ответили Поленову из культурного комитета: «Сообщаем Вам, что в связи с перегрузкой фасадов многих зданий в Москве мемориальными досками компетентные организации Правительства Москвы подготовили рекомендации о нецелесообразности дальнейшей использования этой формы увековечения памяти, которые получили поддержку у руководства города».

Предлагаем Вам обратиться в заинтересованные писательские организации для принятия решения о другой форме увековечения памяти известного писателя».

Типичный бюрократический футбол. А речь — о писателе, которого школьные хрестоматии ставят в один ряд с Тургеневым, Чеховым, Буниным, Пришвиным...

Оставляю за скобками стилистику сочинения, подписанного первым заместителем председателя комитета по культуре А.И.Лазаревым. Вдумаемся в суть. Где логика? Доску предлагают установить на конкретном доме, а в ответ — о перегрузке московских фасадов. Что за «компетентные организации» подготовили столь странные рекомендации? Что значит «нецелесообразность дальнейшего использования»? Что в столице уже никому и никогда мемориальной доски не устанавливают? Табу, что ли? И какая же замечательная убежденность в том, что предложения верны, раз «получили поддержку у руководства горо-

да». А мнение общественности — это что? Ноль? Пустой звук?

Говорил я с сотрудником комитета по культуре Еленой Михайловной Катеевой, готовившей письмо. Спросил, кстати, читала ли Казакова. «Да, конечно, хотя не скажу, что хорошо знаю, много писал о Москве (не читала: Казаков не о Москве писал. — А.Д.), известный писатель». А по существу дела подтвердила: да, такова общая установка. Против установок мемориальных досок. Причина: слишком много желающих. И добавила: мол, возникают проблемы и с эстетической точки зрения, о чем сигналы имеются.

Возмущенный беспамьятством власти, Евтушенко публикует 2 июля в «ЛГ» открытое письмо Ельцину, Черномырдину, другим руководителям и совершенно справедливо негодует: «Какие культурные люди! Их не волнует перегрузка фасадов Москвы и ее улиц рекламами казино, иностранного нижнего белья, табака, спиртных напитков, сомнительными скульптурами, но вот имена, представляющие гордость нашей отечественной литературы, — это для них лишняя забота».

Реакция — никакая. Говорят, в Москве вообще стало крайне сложно установить мемориальную доску. Нападают также, что идет это от мэра, который якобы заявил, что столицу не нужно превращать в колумбарий. Не знаю... Чтобы Лужков, умеющий не только строить, но и понимающий, что значит история и духовность, чтобы он к такому нелепому заключению пришел — как-то не верится...

Но ведь по каждому случаю до мэра не достучаться. В каждом случае чиновники решают. От-ка-заты! ...Затертые слова: муки творчества. Написал ли кто о них точнее Казакова?

«Писатель должен быть мужествен... потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым листом бумаги, против него решительно все. Против него миллионы написанных ранее книг — просто страшно подумать! — и мысли о том, зачем же еще писать, когда про все это уже было. Против него головная боль и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в тот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать».

Не все это, Юра, не все. Еще против него всегда были и остаются серость и тупоумие всяческого начальства от культуры, всех этих неистребимых функционеров, идеологических роботов, цензоров, чинуш...

И жить не давали, и увековечить память, помянуть — достойно, всем миром — не дают.

(Собрание сочинений Юрия Казакова, тем более полное, в России так и не издано).